

Какаши крепко стиснул зубы под маской, закрывавшей большую часть его лица. Еще в начале боя он понял, что уже не обладает теми способностями, которыми обладал раньше, но еще не осознал, насколько он выбился из сил. Бой не мог продолжаться слишком долго, несмотря на то, что в пылу сражения трудно было определить время, и он уже чувствовал, как на него наваливается усталость. Он использовал свой шаринган впервые за долгое время, и его конечности горели все больше и больше с каждым уклонением или атакой. Он уже начал замедляться, а от совместных атак пары перед ним становилось все труднее и труднее уклоняться.

Не то чтобы пара перед ним была лучше. Они оба выглядели измотанными, но Хитоши было легче всех. Их план был прост, но эффективен. Хитоши должен был взять Какаши в лобовую атаку, держать его в напряжении, пока Эйджи пытался нанести ему удар, пока тот отвлекался, и не дать ему отступить назад, чтобы прикрыть своего генина. Однако, поскольку Хитоши почти постоянно сражался с Какаши, он был на последнем издыхании и весь в ранах, одни поверхностные, другие не совсем. Эйджи был не намного лучше. Его чакра была на исходе, ведь он так долго поддерживал свою уникальную технику.

И как бы он ни устал, он все еще оставался Хатаке Какаши. Он не просто так завоевал свою репутацию, и пришло время активизировать свою игру. В основном потому, что он не был уверен, как долго смогут продержаться генины под его командованием. Он мельком видел их бой и был впечатлен тем, что генины, как оказалось, "зеленые", но они уже устали, даже Наруто, а Какаши не любил вольностей с жизнью тех, кто был под его командованием. Затягивать с этим становилось опасно.

Он начал натягивать чакру, готовясь к дзюцу вызова, которое он собирался использовать, чтобы заманить противников в ловушку, как вдруг почувствовал это. Тошнотворно мерзкое ощущение испорченной чакры, которое будет выжигаться в его мозгу до тех пор, пока он жив. Её количество было незначительным и не увеличивалось с той скоростью, которую можно было бы ожидать, если бы печать на груди Наруто была разрушена, но что-то заставило мальчика притянуть силу Кьюби, даже непреднамеренно.

- Его собственный сын... - Пробормотал Эйджи, не обращаясь ни к кому конкретно, но Какаши не обратил бы на него внимания, даже если бы это было так.

- Как бы весело это ни было, я вынужден прервать нашу маленькую игру. У меня есть более... неотложные дела. - Слова шиноби, владеющего шаринганом, звучали как шутка, но его жесткое выражение лица и монотонный голос говорили об обратном.

Он должен был покончить с этим сейчас и не дать печати выпустить больше чакры Кьюби, иначе им всем конец.

Шикамару уже второй раз за несколько минут проклинал собственную слабость, уворачиваясь и петляя между неумолимыми, хотя и медленными и громоздкими ударами статуй, с которыми он теперь сталкивался в одиночку.

Он позволил себе отделиться от блондина, с которым сражался бок о бок, оттолкнуть его и изолировать. И достаточно было одного удара, направленного в сердце, чтобы вывести товарища по команде из игры. Он частично уклонился, и каменное оружие задело его плечо, а не пронзило сердце, но удар отправил его кувырком на землю с переломом левого плеча, в чем он был уверен.

Наруто видел только удар и статую, поразившую Нара, возвышавшуюся над ним, пока он пытался подняться на ноги. Остальная часть битвы словно исчезла, и Наруто видел только Шикамару, готового быть раздавленным следующим ударом. Он вынырнул из-под удара статуи, с которой сражался, и полетел в сторону Шикамару.

Однако неопытность блондина дала о себе знать, и его туннельное зрение было наказано с особой жестокостью. Одна из статуй с размаху ударила Наруто в грудь, и генин кувырком полетел через поляну, врезавшись в дальнюю стену каньона.

Это случилось уже не меньше минуты назад, и потрепанный Шикамару не мог не опасаться худшего. Даже сквозь шум битвы он слышал крик единственной медик-нин из команды и несколько придушенных рыданий, вырвавшихся из ее уст. Шикамару не был уверен, что подобный удар может убить человека, но он был уверен, что он может вызвать повреждения, которые могут быть, если их не лечить. Во всяком случае, он знал, что Хана не стала бы так реагировать, если бы дело не было серьезным.

Это была его вина. Наруто пострадал из-за того, что Шикамару не захотел потрудиться. И теперь, когда он отпрыгнул назад после очередной атаки, сжимая плечо, а его левая рука безвольно повисла на боку, он понял, что если Какаши не успеет вовремя победить своих противников и спасти его, у него мало шансов дожить до того момента, когда он сможет сожалеть о своих ошибках, не говоря уже о том, чтобы учиться на них. Втайне он поклялся, что если выживет, то будет умолять Асуму-сэнсэя обучить его и его команду как следует.

Он увернулся от горизонтального удара статуи, стоявшей прямо перед ним, и был вынужден нырнуть между ее ног, когда другая ожившая статуя атаковала слева. Он поморщился, когда приземление ударило его в плечо, и инстинктивно перекатился вправо, уловив движение краем глаза. Это был разумный поступок, так как еще одна статуя попыталась наброситься на генина, прежде чем он успел подняться на ноги.

К сожалению, этого оказалось недостаточно. Он даже не заметил, как каменное чудовище приблизилось со стороны, к которой он катился, и слишком медленно среагировал, когда оно появилось. Оно ударило рукой из песчаника по голени, зажав его в ловушке и переломив кость. Шикамару не думал, что у него остался воздух в легких, чтобы закричать, но крик агонии все равно вырвался из его горла.

Прижатый к спине холодными, безжизненными руками одной статуи, Шикамару смотрел прямо на кошмарную голову другой, отчаянно ища глаза, в которые можно было бы заглянуть, и забыв от боли и страха, что не найдет их.

Зато он увидел меч статуи, стоящей над ним и готовой нанести убийственный удар.

Боль.

Возможно, такая боль, какую он никогда не испытывал.

Его ребра. Руки. Спина. Ноги. Они горели.

Он попытался пошевелиться, сначала только пальцами. Но даже они пронзили его дрожью боли и задрожали, когда он попытался сжать кулаки.

Затем руки. Попытался подняться, опереться.

Он мог только задыхаться от боли, когда они поддавались под ним. Он не понимал, насколько запыхался. Что он делал? Боролся? Должно быть, дрался. Это было единственное объяснение, которое мог дать его затуманенный разум. Где же он тогда был? Он не мог найти ответ.

Крик. Он был пропитан болью, а не страхом.

Смертельный ужас охватил его. Он заставил себя открыть глаза, хотя в голове все плыло, а зрение расплывалось. Он попытался понять, что видит перед собой. Все было размыто. Он мог различить только силуэты, но чувствовал, как в нем нарастает яростный, дикий гнев. Он узнал крик, инстинктивно понял его смысл, прежде чем смог сделать это рационально.

Даже когда он начал воспринимать информацию, он почувствовал, как знакомое ощущение пронеслось через него, почти захлестнув его.

Тепло. Сила. Сильная, знакомая чакра. Ярость.

Он чувствовал, как к конечностям возвращаются ощущения, как уходит боль, как тепло проходит сквозь него, и он снова начал формировать мысли.

Миссия. Рядом с Суной. Каменные статуи. Защитить своих друзей. Уничтожить врага. Он был на ногах, даже не осознавая этого; все еще пытаясь собрать воедино размытые, головокружительные фрагменты в своей голове.

Крик.

Его глаза устремились туда, куда он смотрел до этого, увидели с ясностью, которую он не мог припомнить, и прежде чем он успел обработать информацию, он бросился бежать со скоростью, которую не мог припомнить.

- Возьми это пока, мальчик. Дай им взглянуть на мою силу, напомни им всем, почему они так меня боятся.

Наруто не услышал глубокого звериного рыка, который исходил изнутри его сознания.

<http://tl.rulate.ru/book/40002/1560034>